

С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов

«КИТОВАЯ АЛЛЕЯ» — ДРЕВНЕЭСКИМОССКИЙ КУЛЬТОВЫЙ ПАМЯТНИК НА ОСТРОВЕ ИТТЫГРАН

Открытие памятника

Летом 1976 г. на побережье Чукотки в районе мыса Чаплина и островов Иттыгран и Аракамчечен в проливе Сенявина работала исследовательская группа Института этнографии АН СССР под руководством М. А. Членова. Во время одного из маршрутов, при осмотре бывшего эскимосского поселка Сиклюк на северном берегу о. Иттыгран (эскимосское название Сиклѳуѳ), оставленного жителями в 1950 г., была обнаружена группа сооружений из черепов и челюстей гренландских китов, вкопанных двумя параллельными рядами вдоль линии берега. Сооружение это резко отличалось по своему внешнему облику и архитектуре от всех известных до того времени памятников древнеэскимосской культуры. Правильные, длинные выкладки из китовых костей, уходившие вдаль наподобие какого-то гигантского створа, сразу же подсказали условное название памятника — «Китовая аллея»¹.

В августе — сентябре 1977 г. исследование Китовой аллеи было продолжено специальной экспедицией Института этнографии АН СССР в составе М. А. Членова, С. А. Арутюнова, И. И. Крупника и И. И. Пейрота. В ее задачи входили подробное обследование и археологическая разведка памятника и прилегающих территорий, а также сбор этнографической информации о нем среди современного эскимосского населения. Ниже мы предлагаем читателю краткое описание результатов работы этой экспедиции и предварительную трактовку открытого памятника на основании собранных полевых и литературных материалов.

В настоящее время о. Иттыгран и близлежащий более крупный о. Аракамчечен, а также прилегающее материковое побережье необитаемы и лишь сезонно используются промысловыми и оленеводческими бригадами из поселков Новое Чаплино и Янраккынот. В конце XIX — начале XX в. Иттыгран и южный берег Аракамчечена входили в территорию расселения азиатско-эскимосского племени унгазигмит (или «чаплинцев»), центром которого был большой поселок Унгазик на мысе Чаплина. Здесь располагались тогда небольшие эскимосские и чукотские поселки: Сиклюк и Напакутак на Иттыграде, Пагиляк, Майныгук и Кигинин — на Аракамчечене, население которых не превышало в общей сложности 120—150 человек. Все эти поселки прекратили свое существование в 1920—1930-х годах; последним в 1950 г. оставлен поселок Сиклюк, расположенный в непосредственной близости от Китовой аллеи.

¹ Впервые об открытии Китовой аллеи сообщил М. А. Членов в разделе «Коротко об экспедициях». — «Сов. этнография», 1976, № 6, с. 136.

Структура Китовой аллеи

На наблюдателя, приближающегося с моря в хорошую погоду к Китовой аллее, этот памятник, при всей простоте составляющих его элементов, производит глубокое впечатление. Водное зеркало не очень широкого пролива Йергин между островами Иттыгран и Аракамчечен почти со всех сторон ограничено гористыми берегами и выглядит как большое внутреннее озеро. Сама бухта Сиклюк, на берегу которой расположен памятник, также окружена обрывистыми скалистыми выступами, но между ними сопки о. Иттыгран несколько понижаются и образуют относительно пологий склон, покрытый разнообразной тундровой растительностью. На этом зеленом фоне четко вырисовываются группы кажущихся издали ярко-белыми столбов из китовых челюстей, а при подходе к берегу над травянистой кромкой пляжа становятся видны причудливые очертания китовых черепов, вкопанных в гальку узкой носовой частью.

Остатки поселка и основные сооружения аллеи находятся на галечной косе (ширина 60—80 м), в древности отделявшей от моря небольшую лагуну. Сейчас почти вся лагуна заполнена отложениями с нависающего над ней горного склона и заросла обильной травянистой растительностью, среди которой прослеживаются лишь мелкие остаточные озерца. Береговая линия в этом месте образует как бы слабовогнутую

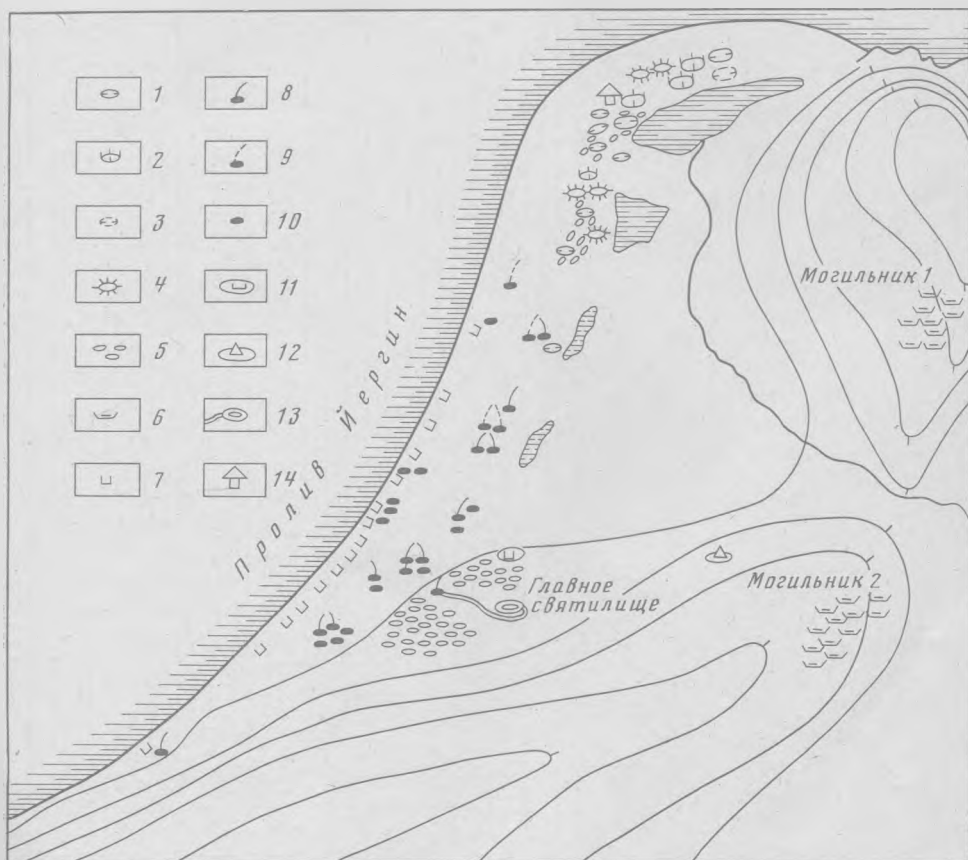

Рис. 1.—Общий план бухты Сиклюк: 1—землянки, 2—землянки с обломками китовых костей, 3—невянные воронки землянок, 4—кольца от яранг, 5—мясные ямы, 6—могильник, 7—группы из китовых черепов, 8—стоящие столбы из китовых челюстей, 9—сломанные столбы, 10—основания сломанных столбов, 11—китовый череп в кольце, 12—наблюдательный пункт, 13—главное святилище, 14—избушка

бухту, защищенную практически от ветров всех направлений (рис. 1). Именно в таких местах, в небольших дугообразных заливах, в основании галечных кос располагалось подавляющее большинство известных нам древних и традиционных эскимосских поселений. Детальная съемка Китовой аллеи показала, что она протягивается вдоль берега на 550 м и состоит из нескольких структурных элементов (рис. 2).

1. Ряд черепов гренландских китов (длиной 400 м) располагается непосредственно у бровки косы, приподнятой на 0,5 м над галечным пляжем. Его составляют 13 четко различимых групп и несколько одиночных черепов, причем две группы сложены из двух черепов, а три — из четырех, поставленных друг за другом в строгом порядке. В прошлом все черепа были, вероятно, врыты носовой частью в галечный грунт, так что на поверхности на высоту 0,8—1,2 м выступала более широкая затылочная часть. С течением времени многие из них оказались поваленными, а группы черепов нарушены, и в результате прежний строгий порядок сохраняется только на небольшом участке Китовой аллеи, где группы 2, 3, 4, 5, 6 и 7 расставлены с одинаковыми промежутками в 20—22 м и чередованием черепов в них 2:4:2:4:2:4 (группа 6 легко реконструируется). Общее число черепов в этом ряду равно 47; в большинстве своем они принадлежат средним по размеру китам и имеют скуловой диаметр порядка 2,2—2,4 м.

2. Столбы из нижних челюстей гренландских китов представлены на Китовой аллее несколькими вариантами. Два крупных одиночных столба маркировали крайние точки аллеи; один из них, сохранившийся, имеет высоту около 5 м (рис. 3). Три пары поставленных один против другого в виде арки столбов стояли параллельно ряду черепов в северной части аллеи; высота двух сохранившихся из них 4,5 м. Особую группу явно составляли более короткие столбы или обломки столбов, вкопанные внутри самого ряда черепов у групп 1, 4, 5 и 6 (рис. 2). Наконец, в центральной

Рис. 3. Китовая аллея. Западный пятиметровый маркировочный столб

Рис. 4. Китовая аллея. Столбы у основания каменной осыпи

части аллеи имеется пять групп из нескольких столбов (от трех до пяти), поставленных бессистемно на расстоянии нескольких метров один от другого (рис. 4). Всего к настоящему времени на Китовой аллее сохранилось 13 стоящих столбов и 21 поваленный, последние представлены основаниями («пеньками») или обломками.

3. Ряд «гумусных пятен» тянется по средней, возвышенной части галечной косы между рядом черепов и группами парных столбов. Он отчетливо выделяется на местности пятнами более темной растительности, которые, как правило, бывают связаны с участками накопления гумуса на месте перегнивания органического вещества и маркируют территории древних поселений, особенно землянок и мясных ям. В данном случае можно предположить, что гумусные пятна отмечают места многократных трапез или разделки туш животных, давшие значительное количество отбросов. В центре некоторых пятен имеются небольшие овальные углубления (диаметром 1—2 м, глубиной до 0,6 м), также обильно заросшие травой. Траншея, проведенная через самое крупное из них, фланкированное двумя небольшими китовыми черепами, выявила лишь повышенное содержание гумуса в верхнем слое галечного грунта и некоторое количество моржовых и тюленьих костей.

4. Почти в геометрическом центре аллеи, если считать от двух крайних столбов, расположена относительно плоская площадка, имеющая форму полукруга - амфитеатра диаметром 4—5 м, окаймленная крупными каменными блоками. Шурф, заложенный в ее северо-западном углу, вскрыл на глубине 0,3—0,8 м зольник с остатками обгоревших китовых и моржовых костей. Зольник был обрамлен подобием очага, выложенного из большой каменной плиты, поставленной вертикально, и нескольких более мелких (40—50 см) валунов.

5. В теле каменной осыпи, спускающейся к центральной части аллеи с нависающего над ней горного склона, было обнаружено около 120 воронкообразных каменных ям круглой или овальной формы, диаметром 0,5—1,5 м и глубиной в среднем от 1 до 2 м. Днище многих из них было покрыто зеленой растительностью, под которой на глубине 15—20 см местами залегали пласты красноватого мумифицированного мяса. В большинстве ям прямо на поверхности были беспорядочно разбросаны обломки моржовых, тюленьих и мелких китовых костей, принадлежавших или очень мелким гренландским, или скорее серым китам. Более глубокие 40—50 ям в нижней части осыпи несомненно служили хранилищами для мяса, поскольку на некоторых из них сохранились остатки перекрытия из китовых ребер, обычного для конструкции мясных ям (*сиклэугак*), сооружавшихся в прошлом азиатскими эскимосами. Ямы, расположенные выше по осыпи, имеют другой вид и представляют собой глубокие колодцы из крупных валунов, выложенные прямо в русле камнепада. Все мясные ямы на Китовой аллее существенно отличаются от обычных эскимосских мясных ям прежде всего тем, что они были вырыты не в мерзлом грунте, а в теле каменистой осыпи, а также своими меньшими размерами. Поэтому можно предположить, что они либо носили какой-то узкоспециализированный характер, либо использовались в качестве кратковременных хранилищ. Три ямы (№ 11, 14 и 72) перекрыты сверху сильно разрушенными мелкими и средними черепами китов, что также ни разу не встречалось нам при обследовании древних эскимосских поселений (рис. 5).

6. В центральной части осыпи, уже над галечной косой с рядами вкопанных китовых челюстей и черепов, располагается большая кольцевая структура (диаметром 4—4,5 м), сложенная из крупных валунов и условно названная нами «Главным святилищем». От крайнего хорошо сохранившегося столба к ней тянется выложенная в камнепаде относительно прямая «дорога» шириной около 1 м и длиной около 50 м. В верхней своей части дорога представляет собой желоб, обрамленный

по краям валом высотой до 0,8—1 м из крупных валунов. Внутри самого кольца «Главного святилища», открытого в сторону основной линии дороги, находится крупный плоский валун, а у южной стенки кольца — очаг из небольших камней, заполненный золой.

Наконец, непосредственно на Китовой аллее или вблизи ее был обнаружен еще ряд каменных и костяных сооружений (рис. 2), связь которых с основными элементами памятника проблематична. К ним относятся: четыре кольца из крупных валунов диаметром около 1,5—2 м, расположенные у подножья каменной осыпи; находящееся рядом с ними четырехугольное сооружение из крупных каменных блоков, напоминающее остатки разрушенного каменного жилища размером 3×3 м и высотой стен до 1,5 м; сильно разрушенный череп кита, окруженный кольцом

Рис. 5. Китовая аллея. Мясная яма на каменной осыпи

камней диаметром 3—4 м, к северу от осыпи; две выкладки из трех эллипсоидных каменных колец диаметром 1—1,2 м, образующие в плане фигуру, подобную клеверному листу; каменное кольцо в 150 м выше по склону над Китовой аллеей с отчетливо прослеживаемой к нему тропой, которое могло обозначать место «наблюдательного пункта». Подобные наблюдательные пункты (эск. *агихсылгак*) в прошлом имелись во многих поселках побережья.

Таким образом, как видно из этого краткого описания весьма разнородных элементов, составляющих Китовую аллею, она образует в высшей степени своеобразный комплекс, не похожий на какие-либо другие известные памятники древнеэскимосской культуры. Здесь имеются элементы, не известные пока нигде более на побережье Чукотки (группы вкопанных попарно китовых черепов, каменные мясные ямы, перекрытые китовыми черепами) или же известные в совершенно другом облике и контексте (столбы из челюстей, каменные кольцевые структуры, ямы, фланкированные черепами). Хотя распространенная в археологии тенденция объяснять любое непонятное явление его ритуальными функциями неоднократно была объектом заслуженной критики, нам тем не менее трудно подыскать для такого своеобразного памятника, как Китовая аллея, какое-либо рациональное истолкование. Скорее всего мы действительно имеем здесь дело с культовым сооружением крупных масштабов, которое, отражая определенную ритуальную систему, могло одновременно иметь и другое, более рациональное социальное, экономическое или коммуникативное значение. Интерпретация Китовой аллеи, впрочем, сильно затруднена тем фактом, что памятники или сооружения подоб-

ного рода, как будет показано ниже, до сих пор не обнаружены или, во всяком случае, не опубликованы не только в зоне распространения эскимосских культур, но и во всей циркумполярной области.

Другие древности о. Иттыгран и прилегающей территории

В попытке реконструировать тот культурно-исторический фон, на котором мог функционировать в прошлом комплекс Китовой аллеи, экспедиция произвела далее детальную разведку прилегающих участков островного и материкового побережья. Ближайшим к Китовой аллее памятником, непосредственно прилегающим к ней, является собственнo поселок Сиклюк, который и по своему внешнему виду, и по собранным этнографическим материалам был небольшим и ничем не примечательным поселением (рис. 1). На его территории сохранились остатки 12 землянок двух типов и следы 11 колец от яранг. По различиям в конструкции и степени выветренности китовой кости можно заключить, что обнаруженные в поселке землянки не функционировали одновременно, а относятся к различным временным пластам, и лишь несколько из них, имеющие вид сильно заплывших воронок диаметром 8—10 м, могли в принципе соответствовать по времени Китовой аллее. Впоследствии, как стало известно по этнографическим материалам, в самом конце XIX в. на месте уже заброшенного земляночного поселения возник новый поселок Сиклюк, основанный переселенцами с Чаплинского мыса. Именно к этому позднему поселку относятся яраночные кольца и два небольших могильника, обнаруженные в каменных осыпях над поселком и Китовой аллеей, где встречаются захоронения в деревянных гробах с инвентарем из остатков фарфоровой и металлической посуды. Могильников, относящихся к более раннему времени, ни в самом Сиклюке, ни в его окрестностях нами не обнаружено; не найдено также никаких следов захоронений в пределах самой Китовой аллеи.

Второй крупный поселок на о. Иттыгран, известный под названием Напакутак, располагался на юго-восточной оконечности острова. Он состоит из трех разновременных поселений: двух поздних — XIX—XX вв., от которых сохранились следы яраночных колец и остатки могильника, и одного более древнего из 7 землянок, представленных теперь сильно заплывшими воронками диаметром 10—12 м. У крайней северной землянки имеется небольшой одиночный столб из китовой челюсти; другой, гораздо более крупный столб стоит в основании галечной косы у южного края старого поселка.

Далее на запад вдоль южного берега о. Иттыгран имеются следы еще двух маленьких поселений из нескольких землянок — Сивурат и Амьяк. Наконец, уже на северо-западном берегу острова в бухте Стыграгвак были найдены остатки еще одного поселка в виде пяти сильно заплывших воронок от маленьких землянок, расположенных двумя группами. Таким образом, всего на о. Иттыгран сейчас сохранились остатки пяти разновременных небольших или даже совсем маленьких древнеэскимосских поселений.

Другой комплекс памятников древнеэскимосской культуры был обнаружен на соседнем, более крупном о. Аракамчечен. На его крайней восточной оконечности — возвышенном мысе Кигинин, где располагается сейчас крупнейшее на Чукотке Аракамчеченское моржовое лежбище, имеются остатки многочисленных жилищ, относящихся к трем разнотипным и, несомненно, разновременным поселениям. Часть этих жилищ была обследована в 1945 г. С. И. Руденко, который по характеру найденного инвентаря датировал первое поселение пунукским периодом, а второе — относительно недавним временем, очевидно XVIII — началом

XIX в.² Третье поселение на Кигинине было основано уже в самом конце XIX в. чукотским морским шаманом Аккрыном, который, согласно преданиям, захватил моржовое лежбище, использовавшееся до этого чаплинскими эскимосами.

Главной особенностью всего комплекса памятников на мысе Кигинин является исключительное обилие китовых костей (не менее чем от нескольких десятков животных), использованных при строительстве древних жилищ, мясных ям, байдарных сушил и т. п. Это с очевидностью указывает на существование здесь в прошлом мощного центра древнего китового промысла. Вместе с тем подчеркнем, что китовые кости из развалин поселений на Кигинине в большинстве принадлежат серым китам в отличие от Китовой аллеи, где стоят черепа и челюсти исключительно гренландских китов. Примерно в 150 м к юго-западу от остатков жилища Аккрына, в небольшом распадке, были обнаружены два кольцевых сооружения из камней и черепов маленьких серых китов или даже китят. Одно из них, лучше сохранившееся, представляет собой кольцо диаметром 7—8 м, образованное 25 (!) черепами китят со скуловым диаметром 40—80 см, регулярно чередующихся с крупными валунами. Отметим при этом, что китовые кости, использованные при строительстве древних жилищ поселка, принадлежали гораздо более крупным особям.

Наиболее примечательной особенностью всего комплекса древних памятников на о. Аракамчечен является существование цепи столбов из челюстей гренландского кита, подобных столбам Китовой аллеи, которые протянулись вдоль всего юго-восточного берега острова от мыса Кигинин до местности Ярга, расположенной прямо напротив Сиклюка. Первый из этих столбов, ныне поваленный, стоял непосредственно на мысе Кигинин прямо над моржовым лежбищем. Второй столб, также сейчас уже упавший, располагался примерно в километре от первого, рядом с остатками жилища Аккрына. Следующий столб, замеченный нами с моря, стоит у самой береговой кромки в 4—5 км далее к юго-западу. Между вторым и третьим столбом с моря просматривается продолговатый бугристый холм с торчащими обломками китовых костей и более темными пятнами растительности; по внешнему виду он очень напоминает остатки крупного древнего поселения. Второй аналогичный ему холм был также замечен нами в 5—6 км далее на запад по южному берегу острова. Четвертый столб из китовой челюсти поставлен примерно в 2—3 км от третьего; еще далее, на мысе Оленьем, стоит пятый крупный столб, рядом с которым обнаружены остатки одной маленькой землянки, огромный череп гренландского кита и в 20—25 м от берега — кольцо из крупных валунов и нескольких черепов маленьких серых китов, очень похожее на китовые кольца на Кигинине, но только меньшего размера. Шестой столб стоит в 4 км далее на запад на мысе Тывьярак, в том месте, где в 1910—1920-х годах существовало небольшое поселение чаплинских эскимосов Майныгук, от которого сохранились следы 7 колец от яранг. Наконец, прямо напротив Китовой аллеи, в 5—6 км от Майныгука, в местности Ярга, на плоской и широкой галечной косе расположены две пары столбов, подобных парным столбам Китовой аллеи. Первая пара столбов, сейчас разрушенная, стоит почти на самом берегу моря; вторая, хорошо сохранившаяся, находится в 120 м в глубь косы и не просматривается с берега. От второй пары вдали виден еще один столб, расположенный, очевидно, между Яргой и Майныгуком.

Таким образом, вдоль южного побережья о. Аракамчечен тянется цепь из 11 столбов, поставленных в среднем на расстоянии 3—5 км друг

² С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, с. 34, 35.

от друга, так что от каждого столба виден последующий и предыдущий. Важным представляется тот факт, что цепь столбов обрывается как раз напротив Китовой аллеи и что таких столбов нет ни в расположенном далее к западу на юго-западной оконечности острова поселке Пагиляк, ни на северном берегу Иттыграна к западу от Китовой аллеи, в бухтах Стыграк и Стыграгвак. Это дает основание предположить, что цепь столбов на Аракамчене структурно связана с Китовой аллеей и представляет собой линию «вех», отмечающих путь от мыса Кигинин до бухты Сиклюк. Отсюда вполне допустимо считать, что Китовая аллея использовалась, а возможно и строилась, не только жителями Иттыграна, но и обитателями Аракамчена.

Казалось бы, логичным было бы предполагать существование каких-либо сооружений, связанных с Китовой аллеей или напоминающих ее по конструкции, и с противоположной от Кигинина южной стороны, на близлежащем к Иттыграну материковом побережье. Наиболее перспективным здесь, естественно, представлялся обширный и в прошлом густо заселенный выступ мыса Чаплина, где во второй половине XIX — начале XX в. существовало не менее пяти — семи эскимосских поселков с общим населением около 500 человек. Все эти заброшенные теперь поселки (Унгазик, или Старое Чаплино, на самом мысу; Униырамкыт, Тыфляк, Хсюрят, Ингахпак — на его северо-восточной стороне; Укигьярак и Ухсырат — на южной) были обследованы в течение экспедиций 1976 и 1977 гг. К нашему удивлению, однако, на Чаплинском мысе практически не было найдено остатков каких-либо сооружений, которые можно было бы связать с расположенными в 30—40 км к северу столбами Аракамчена и Китовой аллеей, за исключением упоминаний о стоявших некогда в самом Унгазике столбах из китовых челюстей, ныне не сохранившихся, и отдельного обломка или маленького столба около поселка Тыфляк. Кроме того, возле поселка Униырамкыт, на берегу моря, имеется одиночный китовый череп, поставленный, как и черепа на Китовой аллее, носовой частью вниз. По рассказам чаплинских эскимосов, он служил в прошлом вехой при подъезде к поселку с моря; другой подобный череп, ныне не сохранившийся, стоял в прошлом возле поселка Тыфляк.

Соотнесение памятника с данными эскимосской этнографии

После завершения работ непосредственно на островах Иттыгран и Аракамчен члены экспедиции продолжили свои исследования в поселке Новое Чаплино, где проживает сейчас основная часть эскимосов-унгазигмит, в том числе почти все бывшие жители Сиклюка, Напакутака, Майныгука и др., а также в поселках Сиреники, Янракыннот и Провидения. В течение полутора месяцев проводился сбор всевозможной этнографической информации среди лиц старшего поколения, представителей различных эскимосских племен, приморских чукчей и чукчей-оленьеводов. В первую очередь нас, естественно, интересовали сведения о памятнике и его трактовка местным населением, а также следы устной традиции, в которой могли бы сохраняться какие-либо указания на время создания и функционирования Китовой аллеи или хотя бы отдаленные реминисценции, связанные с районом островов Сенявинского пролива. К сожалению, однако, мы вынуждены признать, что достаточно интенсивные поиски сведений подобного рода, проводившиеся авторами как в 1977 г., так и отчасти в 1976 г., практически не дали сколько-нибудь ощутимых результатов. Подчеркнем при этом, что опрос информантов активно проводился и самими местными жителями более молодых поколений (моложе 45 лет), заинтересовавшимися открытием в их районе столь необычного памятника.

Расспросы представителей старшего поколения показали, что чаплинские эскимосы вообще плохо знают историю, топонимику островов Сенявинского пролива и практически ничего не знают о существовании самой Китовой аллеи и линии столбов вдоль южного берега Аракамчечена. И лишь тем, кто когда-то жил непосредственно в Сиклюке или в близлежащих поселках на островах и побережье пролива Сенявина (в настоящее время их осталось в живых всего около 20 человек), известно о существовании «столбов и черепов» около поселка Сиклюк и в гораздо меньшей степени — о цепи столбов на Аракамчечене. Все они, опрошенные нами неоднократно, утверждают, что столбы и черепа на островах Сенявинского пролива были поставлены «давным-давно», очевидно, их предками, и даже «...их отцы и деды не знали кто, когда и зачем это сделал». Многократные опросы лиц старшего поколения показали, что в конце XIX — начале XX в. эскимосы-унгазигмит, в том числе и собственно жители Сиклюка, по-видимому, не имели уже никакой ритуальной традиции, связанной с Китовой аллеей. По рассказам, дети из поселка Сиклюк в 1920—1930 гг. свободно играли среди столбов и черепов Китовой аллеи, что в это время категорически запрещалось еще делать на старых землянках, местах поминок, кладбищах во всех эскимосских поселках, и в частности в Старом Чаплино. В это время взрослые охотники в Сиклюке, в том числе и последний шаман поселка, нередко развлекались, пристреливая винтовки по столбам Китовой аллеи, а поставленные попарно столбы использовались для просушки ремней из морской кожи. Эскимосы всех остальных групп, живущие далее на запад по побережью Анадырского залива, вообще ничего не знают о существовании Китовой аллеи; о столбах и черепах в Сиклюке отчасти известно кочующим в этом районе оленеводам-чукчам, однако они тоже не имеют о них никакой подробной информации.

Обращение к литературным источникам, а также личный опыт авторов, накопленный при обследовании значительного числа древнеэскимосских поселений на Чукотке, показывают, что в этом ареале нигде более не встречаются крупные линейные сооружения из нескольких, тем более многих, китовых черепов и челюстей. В древнеберингоморскую и пунукскую эпохи черепа китов вместе с другими костями — челюстями, ребрами, лопатками, позвонками и др. — широко употреблялись эскимосами при строительстве полуподземных жилищ и сооружении грунтовых могильных кладок; однако в XVIII—XIX вв. в связи со сменой типа жилища (полуподземного на наземное типа яранги) и исчезновением обычая грунтовых захоронений использование китовой кости резко сократилось. В начале XX в., по сообщениям информантов, азиатские эскимосы обычно старались вытащить череп убитого кита на сушу, но на этом действия с ним заканчивались, и во всех обрядовых церемониях, связанных с китом и китовым промыслом (празднике «греландского кита», обряде начала китовой охоты, «встречи» убитого кита и т. п.), использовались лишь определенные части мягких тканей кита — глаза, куски плавников, носа, губ и т. д. или небольшие деревянные изображения³. Поэтому беспорядочно лежащие китовые черепа в изобилии имеются в Имтуке, Аване, Сирениках, Напакутаке и других старых эскимосских поселках. Американские эскимосы, в частности на мысе Хоуп, в отличие от азиатских в прошлом вообще сбрасывали череп

³ См.: *W. Bogoras. The Chukchee.* — «Memoirs of the American Museum of Natural History», v. VII, pt 2, 1904, p. 406—408; *И. К. Воблов.* Эскимосские праздники. — «Сибирский этнографический сборник» I — «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. XVIII. М. — Л., 1952, с. 326; *С. В. Иванов.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. — ТИЭ, т. 22. М. — Л., 1954, с. 431—438; *Т. С. Теин.* Эскимосский праздник кита «польа» (на примере поселка Наукан). — «Краеведческие записки», в. X. Магадан, 1975, с. 88—92; *Р. Я. Журов, Д. А. Сергеев.* Древние скульптурные изображения китов. — «Записки Чукотского краеведческого музея», в. III. Магадан, 1962, с. 21, 22.

добытого кита в воду⁴, и на американском побережье также нигде не описаны какие-либо древние сооружения из черепов гренландских китов.

Напротив, в ритуальных целях и азиатские эскимосы, и береговые чукчи вплоть до недавнего времени очень широко использовали черепа менее крупных промысловых животных — моржей, белых медведей, реже нерп и лахтаков. Правильные круги и овалы, линейные выкладки из моржовых и медвежьих черепов описаны для многих поселков и древних стоянок на побережье Чукотского полуострова — у мыса Шелагского, на мысе Шмидта, в Ванкареме, Уэлене, Инчоуне, Уттене, Энурмино⁵, Лорино⁶; существование их в прошлом известно авторам также в Яндагае, Сирениках, Уэлькале, на Руддерском лежбище. Наконец, выкладки из моржовых и медвежьих черепов отмечены и во многих пунктах Американской Арктики — на мысе Барроу, островах Св. Лаврентия, Нунивак и т. п.⁷ С этим типом ритуальных сооружений, очевидно, можно сблизить обследованные нами на Аракамчене три кольцевых жертвенника из черепов маленьких серых китят, а также описанный Н. Н. Диковым череп касатки в кольце из камней на Чинийском могильнике⁸. Однако все они, с нашей точки зрения, принципиально отличаются от правильного ряда «двоек» и «четверок» гигантских черепов гренландских китов на Китовой аллее, который был построен в рамках явно иной ритуальной традиции.

В известной степени то же можно сказать и о комплексах столбов из китовых челюстей на Китовой аллее и южном побережье Аракамчене. В прошлом различные сооружения из китовых челюстей и одиночные столбы были достаточно широко распространены и в эскимосских, и в чукотских прибрежных поселках Чукотского полуострова. Наиболее часто встречались так называемые байдарные сушила — четыре вкопанных по углам прямоугольника (обычно 3—5 на 8—10 м) столба из китовых челюстей, как правило, со спиленными или обломанными вершинами, служившие для поддержки помоста или крепления перекладин, на которые укладывалась байдара и промысловый инвентарь. В некоторых поселках — Сирениках, Чечене, Лорино, Аккани и др. — в прошлом имелись еще и одиночные крупные столбы из челюстей, которые, согласно эскимосской и чукотской устной традиции, символизировали предков-основателей и охранителей данного селения. Во время осенних поминок и некоторых других праздников им подносили специальные подношения в виде «угощения» кусочками пищи, вешали на них амулеты и т. п.⁹ Можно выделить и еще один тип одиночных столбов, которые ставились не прямо в поселках, а в приметных точках побережья, обычно на мысах недалеко от поселений; они известны, в частности, в Наукане, Мамрохпаке, на мысе Верблюжем в районе Эквена. Наконец, в двух старых эскимосских поселках, Аване и Унгазике, в прошлом имелись группы из трех-четырёх столбов, вкопанных беспорядочно на расстоянии нескольких метров один от другого. Эти столбы резко отличались от имевшихся в тех же поселках байдарных сушил и, судя по описаниям старейших информантов (сейчас эти столбы не сохранились), могли быть похожи

⁴ F. Rainey. Whale hunters of Tigara. — «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», v. 41, pt 2, 1947, p. 261.

⁵ Н. Н. Диков. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977, с. 182, 186, 200, 201; В. В. Леонова. Этническая история поселка Уэлен. — «Краеведческие записки», в. IX. Магадан, 1972, с. 90; И. С. Вдовин. Религиозные культы чукчей. — «Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.)», «Сборник МАЭ», т. XXXIII. Л., 1977, с. 155, 156.

⁶ Личное сообщение И. С. Гурвича.

⁷ M. Lantis. Alaskan Eskimo ceremonialism. Seattle — London, 1966, p. 46, 47.

⁸ Н. Н. Диков. Чинийский могильник. Новосибирск, 1974, с. 12.

⁹ W. Bogoras. Указ. раб., с. 412; И. С. Вдовин. Указ. раб., с. 139; Полевые материалы авторов.

на такие же группы столбов в центральной части Китовой аллеи. Однако функции и время установки этих столбов эскимосам начала XX в. уже не были известны, и они, как и жители Сиклюка, использовали их для растяжки ремней из лахтакчей шкуры. В любом случае имеющиеся материалы весьма слабо объясняют наличие на Китовой аллее столь большого количества столбов разных типов, их ритуальную функцию и цель установления. Подчеркнем также, что если одиночные столбы и бессистемные группы столбов имеются и в других пунктах побережья Чукотки, то группы из двух поставленных одна против другой в виде арки китовых челюстей нигде более, кроме Китовой аллеи и расположенной напротив нее местности Ярга, пока не зафиксированы.

Не принесли результатов и наши попытки «вписать» Китовую аллею и сопряженные с ней сооружения в общеэскимосскую и локальную культурную традицию, известную по этнографическим материалам XVIII — первой половины XX в. И сам памятник, и окружающая его территория крайне слабо отражены в эскимосской фольклорно-мифологической традиции, как и во всем комплексе источников, связанных с материальной и духовной жизнью азиатских эскимосов. Мы не можем почерпнуть из них сведения о том, как, зачем и с какой целью привозились огромные кости китов в бухту Сиклюк (притом только черепа и нижние челюсти, о чем можно судить по почти полному отсутствию всех других частей китовых скелетов) и затем устанавливались там в строгом порядке в соответствии с определенным архитектурным замыслом. Современным эскимосам сама идея подобных действий представляется непонятной и нелепой. Достаточно сложный и развитый традиционный ритуал, связанный у эскимосов с событиями жизненного и хозяйственного цикла (в том числе и с китовым промыслом), не имеет никаких параллелей с Китовой аллеей и вообще не требовал, по всем имеющимся данным, создания крупных и долговечных сооружений.

Функциональная и историческая реконструкция памятника

Итак, на основании анализа этнографических материалов мы должны признать, что Китовая аллея не укладывается в известные нам рамки традиционной духовной культуры азиатских эскимосов и вообще современного эскимосского этноса. Скорее ее можно рассматривать как памятник этнического пласта с иными традициями и концепциями духовной культуры, иным типом социальной организации, хотя, очевидно, с почти аналогичной материально-хозяйственной базой. Тем не менее в данном ареале нет и, насколько известно, в прошлом также не было какого-либо другого этноса с традициями специализированного морского промысла крупных млекопитающих как основы хозяйства. То, что Китовая аллея не могла быть делом рук позднего неаборигенного населения, — скажем, русских землепроходцев или американских китобоев, — пожалуй, не нуждается в доказательствах, поскольку сооружение столь крупного памятника чужеземцами, несомненно, оставило бы следы в местной устной традиции. Возможная принадлежность ее к чукотской культуре представляется нам весьма маловероятной: специфическая ориентированность памятника на морской зверобойный промысел явно исключает вариант строительства его тундровым оленеводческим населением или тем более охотниками на дикого оленя, каковыми вплоть до XVII—XVIII вв. являлись чукчи. Что же касается так называемых оседлых или приморских чукчей, то, согласно принятому мнению, их культура сложилась на базе предшествующего им эскимосского субстрата и с трудом может быть дифференцирована от него даже в ее современном облике, не говоря уже о более ранних этапах¹⁰. Кроме того, поселения

¹⁰ И. С. Вдовин. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. — «Сибирский этнографический сборник», III, ТИЭ, т. LXIV. М. — Л., 1961, с. 49, 50.

настоящих приморских чукчей (анкальбит) располагались в XVIII — начале XX в. гораздо севернее по побережью Чукотки, ближе к мысу Кригуйгун, а подступы с севера к проливу Сенявина осваивали в основном чукчи-оленоводы и бывшие кочевники, перешедшие к оседлой прибрежной жизни, основой хозяйства которых был промысел мелких ластоногих.

Поэтому до появления каких-либо дополнительных данных мы будем исходить из постулата эскимосской принадлежности открытого памятника, хотя, возможно, и связанного с каким-то весьма специфичным пластом в истории азиатско-эскимосской этнической общности.

Время сооружения Китовой аллеи мы условно датируем периодом позднего пунука, точнее примерно XIII—XV вв. н. э. Масштабность самого памятника, несомненно, отражает столь высокую степень развития китового промысла, которая в истории эскимосской культуры Берингоморья, и в частности азиатско-эскимосской культуры, была достигнута только в пунукскую эпоху (VIII—XV вв. н. э.). Поэтому до появления точной радиоуглеродной датировки Китовой аллеи мы вынуждены пока отбросить как более поздние, так и более ранние варианты временной привязки памятника: первые — потому что его сооружение в последние четыре-пять столетий должно было оставить следы в устной фольклорно-мифологической традиции; вторые — потому что на предшествующих этапах развития китовый промысел либо вообще отсутствовал (культура бирнирк, IV—VII вв. н. э.), либо практиковался в незначительном размере (древнеберингоморская и оквикская культуры, рубеж и первые века нашей эры). Даже по состоянию китовых костей из различных элементов памятника хорошо видно, что черепа и челюсти Китовой аллеи подверглись гораздо большей эрозии, чем кости, обнаруженные в ряде землянок периода XVI—XIX вв. в соседних поселениях на островах Сенявинского пролива, но одновременно выглядят явно «моложе» костяных кладок древнеберингоморского времени, выходящих на поверхность на Эквенском могильнике, в Сирениках, Киваке и некоторых других пунктах. Наконец, одной из возможностей более точной датировки Китовой аллеи может служить ее привязанность к современной береговой линии, т. е. к уровню моря, близкому к современному, который, по имеющимся материалам, наблюдался в последнем тысячелетии в XIV—XV вв. или в период позднего пунука в рассматриваемом районе¹¹.

Несомненная ориентированность Китовой аллеи на море и морской промысел и существование связанных с ней столбов-«маяков» вдоль южного берега Аракамчечена с очевидностью указывают, что участники обрядовых действий могли посещать ее только в навигационный сезон, т. е. с середины июня по середину ноября, или в течение всего пяти месяцев в году (в XIII—XV вв. эти сроки вряд ли существенно отличались от современных). Годовой хозяйственный цикл создателей Китовой аллеи мы можем примерно реконструировать по фольклорным и этнографическим материалам XIX—XX вв.: в нем, несомненно, должен был выделяться период весенней охоты на моржей и китов с апреля по конец июня и период осенней охоты, с середины сентября по конец ноября, практически до окончания навигационного сезона. Трудно представить себе, что в эти наиважнейшие и наиболее трудоемкие в годовом хозяйственном цикле периоды эскимосское население могло уделять много сил и времени для проведения сложных обрядовых действий и тем более строительства гигантских ритуальных сооружений. По этой же причине следует, видимо, исключить и время охоты на дикого оленя (очевидно, конец июля — август), игравшей важную роль в экономике азиатских

¹¹ J. Hume. Sea-level changes during the last 2000 years at Point Barrow, Alaska.— «Science», 1965, v. 150, p. 1165, 1166; D. Stanford. The Walakpa Site, Alaska. Its place in the Birnirk and Thule cultures.— «Smithsonian Contributions to Anthropology», v. 20, 1976, p. 7, 8.

эскимосов до развития чукотского оленеводства. Поэтому для поездок на Китовую аллею наиболее подходящими, видимо, оставались два сравнительно кратких промежутка времени: первая половина июля и конец августа — начало сентября; напомним, что второй из них, по этнографическим материалам XIX—XX вв., являлся общепринятым среди азиатских эскимосов временем дальних морских поездок вдоль побережья и считался самым благоприятным в году с точки зрения погодных и навигационных условий.

Наиболее важным, с нашей точки зрения, для трактовки Китовой аллеи является наличие среди ее структурных элементов большого количества временных мясных ям на осыпи, во многих из которых сохранились остатки неиспользованного мяса. И конструкция, и само количество этих мясных ям, столь необычное для всех древних и традиционных поселений эскимосов, указывают на специфическое их использование по сравнению с имеющейся культурной традицией. Трудно представить себе, почему, вопреки ей, большой и, очевидно, регулярно собиравшийся на Китовой аллее коллектив не мог поддерживать сравнительно малое число мясных ям обычного типа, вполне достаточное для обслуживания празднеств, если бы их регулярно чистили и обновляли, как это делалось во всех эскимосских поселках. Вместо этого создатели Китовой аллеи почему-то предпочитали выполнять весьма трудоемкую работу по сооружению новых мясных ям дальше на осыпи и в некоторых случаях даже бросали ямы, полные мяса, не забрав его в свои селения. Этот факт заставляет отказаться от гипотезы о возможном «хозяине» Китовой аллеи в лице жителей одного поселка, тем более в лице жителей древнего поселка Сиклюк, которые, несомненно, ограничились бы строительством нескольких мясных ям обычного типа и уж в любом случае использовали бы мясо, оставшееся после празднества.

Самым вероятным нам представляется предположение, согласно которому более или менее постоянный контингент участников действий на Китовой аллее собирался здесь даже не ежегодно, а в установленные традицией или заранее обусловленные сроки, падавшие скорее всего на раннюю осень — самый удобный для плавания период. Однако подготовка к каждому такому сборищу или празднеству могла вестись не всеми его потенциальными участниками совместно, а лишь какой-либо одной их частью поочередно. Мы исходим из предположения, что вся совокупность участников действия распадалась на ряд групп — байдарных артелей, представителей отдельных поселковых общин, кланов и т. п., каждая из которых могла, скажем, в порядке очереди или по собственной инициативе брать на себя подготовку празднества и обеспечение всех собравшихся пищей. Отсюда становится понятным и наличие столь непомерно большого количества «временных» или, может быть, «одно-разовых» мясных ям, поскольку каждая группа из культовых или престижных соображений могла не использовать сооружения, оставленные предыдущими строителями, а считала необходимым строить заново собственные. Из престижных же соображений несъеденные остатки мяса не вывозились с Сиклюка и не использовались последующими организаторами празднества. В этом случае действия на Китовой аллее, каковы бы ни были составляющие их различные ритуальные моменты, неизбежно должны были носить в какой-то части потлачеобразный характер.

Такое допущение может быть подтверждено многочисленными этнографическими данными о существовании потлачеобразных церемоний и ритуализированного обмена дарами у эскимосов Берингоморья в XVIII—XIX вв.¹² Вместе с тем действия, отмеченные чертами потлача, происходили в прошлом у эскимосов обычно при большом стечении

¹² Л. А. Загоскин. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке. М., 1956, с. 105, 106; Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, с. 131—141; М. Lantis. Указ. раб., с. 20—27.

народа и носили подчеркнуто открытый характер. В этом отношении они должны были существенно отличаться от церемоний, проводившихся на Китовой аллее, которая располагалась в закрытой бухте на маленьком острове, на значительном удалении от крупных поселений, и куда можно было добраться только по морю на байдаре в ходе специально принятого путешествия. Как известно по этнографическим материалам, у азиатских эскимосов женщин и детей практически никогда не брали в море на промысел и весьма редко брали в дальние поездки. Поэтому само расположение Китовой аллеи вдали от населенных пунктов и ее несомненная связь с китовым промыслом указывают на эзотеричность проходивших на ней действий и позволяют с большой долей вероятности исключить женщин и детей из числа возможных участников ритуала. В свете этого наиболее вероятной формой социальной организации, в рамках которой могли проводиться празднества на Китовой аллее, нам представляется тайный мужской союз — социальный институт, зафиксированный еще в XVIII—XIX вв. у алеутов и эскимосов южной и юго-западной Аляски (острова Кадьяк, Нунивак, побережья залива Нортон и др.)¹³. Принимая это допущение, можно предположить, что Китовая аллея была ритуальным местом такого союза, предназначенным для особо сакральных действий по сравнению с теми, что проводились в поселке в мужских домах — например, каких-то элементов промысловых культов, связанных с добычей кита, специальных инициаций молодых китобоев и т. п.¹⁴

Как нам представляется, для проведения празднеств на Китовой аллее собиралось несколько промысловых бригад, очевидно, из разных поселков, причем число таких бригад могло соответствовать количеству расставленных вдоль берега групп черепов, отмечавших, по нашему мнению, их постоянные места причаливания (что характерно для этнографически известной эскимосской традиции). Отсюда можно вычислить, что, вероятнее всего, приезжало 11—12 байдар, или около 100 взрослых мужчин. Напомним, что вкапывание и транспортировка китовых черепов весом до 2,5 т и столбов из челюстей весом в несколько сот килограммов, как и строительство мясных ям и каменных сооружений, должны были требовать значительных коллективных усилий. На наш взгляд, линия столбов вдоль южного берега Аракамчена явно указывает на участие в действиях людей из поселка Кигинин и, возможно, из других мест южного берега. Участие жителей Чаплинского мыса кажется более проблематичным, так как вдоль чаплинской косы в районе Тыфляка и Унибрамы встречаются лишь одиночные вехи-черепа. Наконец, нельзя полностью исключить и возможность участия в обрядах на Китовой аллее жителей поселков к северу от пролива Сенявина вплоть до Мечигменского залива, потомки которых, согласно сохранившимся этногенетическим преданиям, частично оказались во второй половине XIX в. среди обитателей Сиклюка, Напакутака и Старого Чаплина. В результате вырисовывается картина крупного межобщинного объединения, охватывающего достаточно обширный участок побережья юго-восточной Чукотки и имевшего свой ритуальный или символический центр на Китовой аллее.

Необходимость создания такого объединения в период существования Китовой аллеи, т. е. в XIII—XV вв., могла диктоваться разными причинами. Одной из них вполне можно считать возмраставшую к этому времени миграцию чукчей, выход которых к побережью в районе Мечигменской губы и бухты Лаврентия разорвал некогда единый ареал азиатских эскимосов на восточном побережье Чукотки. Другую причину допустимо

¹³ K. Birket-Smith. The Eskimos. London, 1959, p. 144; M. Lantis. Указ. раб., с. 27—31; Л. А. Файнберг. Указ. раб., с. 199—204.

¹⁴ Об этих инициациях см. подробнее: M. Lantis. The Alaskan whale cult and its affinities.— «American Anthropologist», 1938, v. 40, № 3, p. 440, 441.

усматривать в миграциях американских эскимосов с Аляски или, что более вероятно, с близлежащего о. Св. Лаврентия.

Однако причины, приведшие к возникновению, а затем и упадку той социальной системы, в рамках которой функционировала Китовая аллея, следует искать скорее не во внешних влияниях, а в общем развитии культуры пунук в первой половине II тысячелетия н. э. Благоприятный экологически период IX—XIII вв., приведший к бурному расцвету китового промысла азиатских эскимосов, сменился отчетливо фиксируемым похолоданием и эпохой неустойчивости погодных условий с XIV—XV вв. Похолодание и неустойчивость климата означали ухудшение условий морского зверобойного промысла за счет удлинения зимнего ледового периода, нарушения путей миграций морских животных, осложнения навигационной обстановки. Все это вело к упадку китового промысла и связанных с ним эскимосских китобойных культур типа пунук и туле, который отчетливо фиксируется для XV—XVI вв. на всем протяжении от Гренландии до Чукотки¹⁵. Упадок китового промысла и переход населения к более активной охоте на мелких ластоногих и дикого оленя неизбежно вызвали изменение прежней структуры расселения, рассредоточение и общее уменьшение береговых поселков. Одновременно центр культурного и этнического развития всей этой области переместился на мыс Чаплина с постоянной осью контактов мыс Чаплина — о. Сивукак (Св. Лаврентия), а острова Сенявинского пролива постепенно превратились в дальнюю периферию этнической территории формирующегося в это время племени унгазигмит. Население островов частью переселилось на мыс Чаплина, частью было замещено другими эскимосскими группами из более северных районов, в результате чего этническая традиция оказалась прерванной, а с ней забыты и время, и цель создания Китовой аллеи, а для большинства современных эскимосов-унгазигмит — даже и само место ее существования.

Наброшенная здесь весьма схематично и без подробной аргументации предложенная нами историческая и функциональная реконструкция Китовой аллеи, разумеется, не может считаться окончательной. Накопление новых фактических данных, дальнейшее изучение памятника и прилегающей территории, возможно, потребует отказа от каких-то построений и выдвижения взамен их новых, более соответствующих новому уровню знания. Однако уже сейчас ясно, что открытие Китовой аллеи позволяет, хотя бы в порядке гипотезы, под новым углом взглянуть на многие аспекты эволюции древнеэскимосских культур и имеет определенное значение для понимания сложных, неоднозначных и неоднолинейных путей развития и распада первобытного общества в специфических условиях Арктики. Само существование столь крупномасштабного памятника показывает, что и в высоких широтах на основе специализированного присваивающего хозяйства в некоторых сравнительно благоприятных условиях были возможны достаточно сложные формы социальной организации; развитые, длительно функционирующие ритуальные системы, потребовавшие создания гигантских культовых сооружений; наконец, получение заметного прибавочного продукта, позволившее наиболее активной части мужского населения уделять силы и время для массовых празднеств и культового строительства. Все это принципиально ново как для азиатско-эскимосского ареала, так и для всей территории Арктики в целом.

¹⁵ R. McGhee. Speculations on climatic changes and Thule culture development.— «Folk», 1969/70, v. 11/12, p. 172—185.

THE «WHALE ALLEY», AN EARLY ESKIMO RITUAL MEMORIAL CENTRE ON ITTYGRAN ISLAND

The paper deals with the discovery and investigation of an early memorial of the Arctic maritime culture discovered in 1976 upon a small island off the coast of south-eastern Chukotka. The memorial, which the authors have named, «Whale Alley», comprises several structural elements; the most important of them are two rows of bowhead whale skulls and whale mandible poles, ring-shaped or lineal stone lay-outs, meat cachées, etc.

This structure sharply differs in its aspect and size from all known ancient memorials of Chukotka, and probably of the whole Eskimo area; it is undoubtedly of a ritual nature. At the same time it has comparatively few analogies in the complex of ritual concepts of Asiatic Eskimo groups known to ethnography; it is also very poorly reflected in local oral tradition.

In conclusion, the authors attempt a functional and historical reconstruction of the memorial, dating it from the late Punuk period (13th to 15th centuries A. D.) They regard it as a social and ritual centre of the then existing inter-tribal community of the ancestors of the present day Asiatic Eskimos.
